

Секция «Мировая политика и международные отношения»

**Рост религиозно-политического влияния Ирана в странах Персидского залива
(на примере Бахрейна, Саудовской Аравии и Кувейта)**

Юлия Ильина Игоревна

Аспирант

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

E-mail: al-azizz@yandex.ru

Международные отношения между Ираном и странами Персидского залива были непростыми еще до революции.[1] Страны Персидского Залива воспринимались шахским Ираном, исключительно как сфера своего политического влияния. Так, в 1959 году Меджлис (иранский парламент) провозгласил Арабские Эмираты иранской провинцией, а в 1971 году не признал факт провозглашения независимости ОАЭ.

Лояльность правительства шаха к Израилю, выразившаяся в том, что Иран, вопреки решению всех арабских стран, продавал нефть в эту страну, также подогревала неприязнь к Тегерану в арабском мире. В 1960-м году Иран признал Израиль, что повлекло разрыв дипломатических отношений с Египтом.

Идеологическое противостояние Ирана и стран Персидского залива резко обострилось после Исламской Революции 1979 года. Духовный лидер Ирана Р. Хомейни призвал к экспорту Исламской революции в эти страны с целью их освобождения от «рабской зависимости» от Запада. Активная деятельность и нарастающее влияние организации «Хезболла» в Ливане, укрепило отношение к Ирану, как к потенциальной угрозе правящим режимам так называемых «нефтяных монархий».[2] Тем более, что в самой правящей элите Ирана существовало и существует как минимум два диаметрально противоположных подхода к концепции «вилаят-е-факих».

Так, «консерваторы», во главе с аятоллой Джаннати и аятоллой Месбахом Язди придерживаются позиции, что власть «вали-факиха», как и власть «Пречистых Имамов», которых он замещает должна быть абсолютной и Шура (совет), состоящий только из улемов, обладает лишь консультативными полномочиями.

Позиция «умеренных» улемов, или , лидером который является аятолла А. Хашеми-Рафсанджани, бывший президент Ирана М. Хатами, а также нынешний президент Х.Роухани относятся к так называемым «реформаторам» (Ислах талабан) или «умеренным». Реформаторы являются сторонниками сохранения республиканской формы правления и совершенствования демократических механизмов управления страной.

Иранское влияние не следует связывать лишь религиозной общностью между шиитами Ирана и шиитскими общинами Саудовской Аравии, Бахрейна, Кувейта и других стран. Необходимо учитывать, что шиитские религиозно-политические движения в странах Персидского залива зародились еще до Исламской революции 1979 года и не были связаны с иранским шиитским духовенством.

В конце 1960-х - начале 1970-х годов наиболее крупными шиитскими религиозно-политическими движениями были «Харакят ар-рисаля» и «Ад-Дава» (Призыв). «Ад-Дава», возникшее в иракском городе Наджафе - одном из крупнейших шиитских религиозных центров представляло интересы «традиционного» шиитского духовенства Ирака и имело свои представительства в Кувейте, Бахрейне и ОАЭ.

«Харакят ар-рисаля» (Движение «Послание»), руководимое великим аятоллой Мухаммадом аль-Хусейни аш-Ширази,[3] происходившим из г. Кербела являющимся святым для шиитов[4] создало разветвленную сеть филиалов в шиитских общинах Бахрейна, Кувейта,

Саудовской Аравии.

После Исламской революции в Иране оба эти движения стали пропагандировать идеи «исламского правления» Хомейни при материальной и организационной поддержке со стороны иранского правительства. Однако конкуренция между ними не ослабевала. Иранское духовенство сделало ставку на движение «Ад-Дава», так как оно поддерживалось авторитетными муджтахидами Наджафа. В то же время деятельность «Харакят ар-Рисаля» стала активно подавляться иранцами. Их сторонники в Иране были подвергнуты преследованиям, многие из них - арестованы.

Параллельно, с 1982 года иранцы стали создавать собственные так называемые «освободительные движения», подконтрольные непосредственно Тегерану и не связанные с иракским духовенством.

Мохаммад аш-Ширази поверг иранское правительство жесткой критике, указав на «диктаторские замашки» Хомейни.[5] Последователи Ширази с тех выработали свою модель исламского правления, тогда как идеологической основой движения «Ад- Дава» вплоть до сегодняшнего дня остается концепция «вилаят-е-факих».

В частности, аш-Ширази выступил против концепции единоличного наместника «Пречистых имамов» на Земле, «вали-факиха» и считал, что в качестве духовного лидера мусульман должен выступать совет ученых (вилаят уль-фукаха), включающих представителей различных религиозно-правовых школ Ислама - мазхабов. С другой стороны, аш-Ширази крайне негативно относился к концепции национального государства и считал ее греховным новшеством (бид'а), создающим препятствия для объединения исламской уммы. Проживая в Ираке он демонстративно не имел паспорта и не получал никаких разрешений на проживание.[6]

Из интервью аятоллы аш-Ширази стало известно, что его отец имел иранское подданство и до конца своей жизни не отказывался от него. Его родственники в большинстве своем живут в настоящее время в Иране, хотя и называют Кербелу своей родиной (ва-тан).[7] Как и в случае с шейхом аш-Ширази. Родословные многих шиитов коренных жителей стран Персидского залива восходят к Ираку или Ирану.

На сегодняшний день шиитские общины в странах Персидского залива не являются политически однородными сообществами. Однако существует два основных центра религиозно-политического влияния - это Наджаф и Кум. При этом стоит отметить, что идеологическая палитра не ограничивается доктриной Хомейни. Среди духовенства присутствуют те, кто поддерживают, так и критикуют идеи Хомейни.

Анализируя роль шиитских общин в странах Персидского Залива нельзя не отметить, что различия между ними и их соотечественниками-суннитами носят не только религиозный, но и этнический характер. Например, в Бахрейне шииты именуют себя «Бахрани» и считают коренными жителями данной территории, а суннитов называют «Араб», то есть бедуинами, пришедшими из глубины Аравийского полуострова. Кроме того, шиитское население Бахрейна и восточных провинций Саудовской Аравии имеют общий языковой диалект, который отличается от того, на котором говорят сунниты.[8] Шииты составляют около 74% процентов мусульманского населения (70% населения Бахрейна являются мусульманами) страны, то есть представляют абсолютное большинство.[9]

В Бахрейне последователи «Харакят ар-Рисаля» создали собственную политическую партию «Джамаат уль-амаль уль-исламия» («Общество исламского действия») вместе с другими шиитскими группами объединились в партию «Аль-Вифак» («Согласие») и имеют представительство в парламенте и идеологически противостоят проирански настро-

енному шиитскому духовенству, представленному движением «Ад-Дава» и основателем филиала этого движения в Бахрейне шейхом Исой Касемом. Правящий режим Бахрейна всячески подавляет деятельность «проиранских» шиитских организаций, поэтому они до настоящего времени не оформились в единую, организованную политическую силу.

Репрессивная политика правительства Бахрейна по отношению к шиитам, усилившаяся после протестов 2011 года, сопровождается рядом грубых нарушений внутреннего законодательства, не говоря уже о международных конвенциях, а также дискриминацией в отношении шиитского населения в сфере образования, трудовых отношений, судопроизводства. [10] Политика репрессий в отношении шиитского населения Бахрейна, поддерживаемая ближайшим союзником правящего режима - Саудовской Аравией, подталкивает его к поиску политической поддержки за рубежом, в том числе и в Иране.

Шиитское население Саудовской Аравии исторически проживает в Восточной части страны, богатой нефтью и составляет около 15 % от численности населения страны [11]. Так начала формироваться социальная стратификация саудовского общества, в котором шиитам отводились самые низшие позиции. Безусловно, в Саудовской Аравии, как, наверное, ни в какой другом государстве Персидского Залива на положение шиитской общины, повлиял и религиозный фактор. Ваххабизм, являющийся идеологической базой правящего режима династии Саудов, не признает шиитские мазхабы и считает их последователей неверующими. [12]

Более того, шииты подвергаются дискриминации и в социальной сфере и в сфере образования, а также доступа в органы государственного управления, полицию и вооруженные силы. Такая ситуация создает благодатную почву для роста недовольства в среде шиитов и активизации радикальных группировок. Одной из таких групп является «Хизбалла-уль-Хиджаз» («Хизбалла в Хиджазе»), целью которой является свержения власти династии Саудов и создания на территории Саудовской Аравии исламской республики по образцу Ирана. «Хизбалла в Хиджазе» является малочисленной радикальной группой, которая находится вне закона и обвиняется властями страны в совершении ряда террористических актов. [13]

Ее возникновение напрямую связано с обострением ирано-саудовских отношений, произошедшем после революции 1979 года и связанном с этими событиями усилением дискриминации шиитского меньшинства. Если до этого саудовский режим видел в шиитах меньшинство, которое должно было быть со временем ассимилировано, то после Исламской революции, правящая верхушка королевства стала воспринимать их, как потенциальных агентов влияния Ирана и как угрозу собственной власти.

Большинство саудовских шиитов, судя по результатам социологических опросов, не восприняли революцию 1979 года, как сигнал к свержению правящего режима. Определенно, события в Иране воодушевили, определённую часть шиитской общины к более открытому исповеданию своей веры.

В настоящее время последователи «Харакят ар-рисаля» составляют в Саудовской Аравии подавляющее большинство шиитского населения. Благодаря таким харизматичным религиозным деятелям, как шейх Хасан Ас-Сафар и шейх Нимр ан-Нимр, саудовские шииты стали мощной и сплочённой силой, которая обладает серьезным материальным и человеческим ресурсом и в то же время имеет и свою собственную политическую программу, направленную на решение локальных задач, стоящих перед шиитской общиной королевства.

Тем не менее, сегодня, как и в начале 1980-х годов, шиитская община королевства

оказывается вовлеченной в международную политику. Социальная напряженность в Бахрейне, имеющая под собой этническую и межконфессиональную основу, а также гражданская война в Йемене, где правительство Саудовской Аравии продолжает безуспешно бороться с фантомами иранского влияния, приводит в итоге к реальному усилению влияния ИРИ в среде шиитов (и не только), как в Йемене, так и в Саудовской Аравии[14].

Так называемую «Кувейтскую модель» взаимоотношений между суннитами и шиитами, зачастую называют «образцовой» для стран Персидского Залива в том смысле, что здесь в отличие от Бахрейна, Катара и Саудовской Аравии шииты практически не подвергаются дискриминации и имеют доступ к органам государственной власти.

С этнической точки зрения шиитская община Кувейта формировалась из местного шиитского населения (бахрани), а также из эмигрантов из Ирака и Ирана (аджами). Численность шиитов составляет примерно 30% населения страны.

Исламская революция в Иране оказала на шиитскую общину Кувейта мощного мобилизующего действия. Однако Кувейт в силу своего географического положения и небольших размеров страны, находился под влиянием как Саудовской Аравии, так и Ирана. Поддержка правительством Ирака во время ирано-иракской войны привело к радикализации части шиитской общины и ее сближению с проиранскими организациями, ставившими своей целью «экспорт» исламской революции в страны Персидского Залива.

Надо отметить, что революционный «проект» А.Хомейни не предполагался им как исключительно шиитский, однако геополитические и этнические особенности привели к нагнетанию межконфессиональной напряженности в стране вследствие насильственных акций, осуществленных иранскими агентами влияния, такими, как захват гражданского самолета членами ливанской «Хизбаллы» в 1988 году. [15]

После оккупации Кувейта Ираком в 1990-м году трения между суннитами и шиитами были сглажены. Оба сообщества столкнулись с политикой ассимиляции, проводимой правительством Саддама Хусейна.

Несмотря на высокий уровень интеграции шиитов в органы власти, в Кувейте сторонники ап-Ширази, оказались в меньшинстве перед «проиранской» партией, известной под названием «Исламский национальный союз». Если «Харакят ар-рисаля» имеет в парламенте одного представителя - Салеха Ашура, тогда, как их противники - троих. Тем не менее, благодаря поддержке правительства им удалось объединить несколько шиитских групп в проправительственную партию «Итиляф ат-таджаму аль-ватанийа» («Коалиция патриотических групп»).

Участие Кувейта в гражданской войне в Йемене в составе коалиционных сил во главе с Саудовской Аравии не может не сказаться и на межконфессиональных отношениях. Так депутат Дашти посетил Иран, где побывал в доме Имада Мугнии, известного деятеля «Хизбаллы» и участника захвата самолета в Кувейте, о котором упоминалось выше. Данная поездка вызвала крайне негативную реакцию со стороны суннитов, обвинивших шиитского парламентария в лояльности Ирану.

Подводя итоги, следует отметить следующие тенденции в динамике иранского религиозно-политического в странах Персидского Залива:

1. Вследствие дискриминационной политики правительства Бахрейна Саудовской Аравии и отчасти Кувейта по отношению к шиитскому населению и отсутствие каких-либо перспектив к изменению данного положения (за исключением Кувейта), религиозно-политическое влияние Ирана усилилось и продолжает усиливаться.

2. Процесс усиления влияния Ирана может быть ускорен, благодаря значительному ослаблению радикальных группировок, поддерживаемых Саудовской Аравией и Катаром в Сирии и Ираке, а также неудачным завершением военной кампании Саудовской Аравии и их союзников в Йемене.

3. Внешнеполитические успехи или неудачи Тегерана будут зависеть и от позиции России, которая проводит военную операцию в Сирии, а также поставляет оружие правительству Ирака.

[1] Troudi Mohamed «L'Iran et les pays arabes, une relation ambivalente et compliquée» <http://www.politique-actu.com/dossier/iran-pays-arabes-mohamed-troudi/62574/> (дата обращения 07.01.2016 года).

[2] R.K. Ramazani. Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. Charlottesville, 2013, p.p.90-120